

A $\frac{170}{943}$

ки-1-3

ИЗЪ-ЗА ЧЕГО ПОШЛИ ВОЙНЫ-
РОССІИ СЪ МУСУЛЬМАНСТВОМЪ.
КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

Цѣна 7 коп.

rg

ИЗЪ-ЗА ЧЕГО ПОШЛИ ВОЙНЫ
РОССІИ
СЪ
МУСУЛЬМАНСТВОМЪ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

Завоеваніе Сибири.

Ап. Н. Майкова.

На средства Издательскаго Общества при учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, министромъ народнаго просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія д-ра М. А. Хана, Ковенскій пер., д. № 14.
1883.

Завоеваніе Сибири.

Когда по взятіи Казани и Астрахани *) вся Волга досталась въ наши руки, государи Московскіе должны были заботиться, чтобы по ней плаваніе для торговыхъ каравановъ было безопасное. По Волгѣ и по Дону и при татарахъ еще жило довольно много Русскихъ людей, выходившихъ селиться въ степь по этимъ рѣкамъ и далѣе даже въ Кавказскія горы, на рѣку Терекъ. Хотя эти люди не перерывали своихъ связей съ далекой родиной, крѣпко держались вѣры отеческой и русскихъ обычаевъ, и называли себя людьми государевыми, вольными казаками,—однако государи Московскіе, за дальностью, управлять ими и промыслять объ нихъ не могли. На жалобы разныхъ Татарскихъ хановъ, что казаки ихъ грабятъ, изъ Москвы частенько отвѣчали, что «степь велика—и государямъ за казаками смотрѣть не можно». Сами же казаки, своею постоянною войною

*) Смотри вторую книжку.

съ Татарами не мало намъ приносили пользы, постоянно тревожа Казань и Астрахань. Когда-же эти царства были взяты,—на Волгѣ, по старой памяти, продолжали собираться въ шайки разные гулящіе люди — и изъ Россіи, и изъ казаковъ, — и нападать безъ разбору на всё суда, идущіе по Волгѣ. Напрасно государь приказывалъ изъ Москвы, чтобъ они надъ государевой казной и торговыми людьми никакого воровства не чинили. Вольница не унималась; атаманы ея разгуливали по Волгѣ и по Каспійскому морю, словно сами какіе цари морскіе, и царскаго приказа не слушались. Число ватагъ все росло и росло. Нѣкоторые атаманы сдѣлались грозою для судоходовъ. Между прочими особенно страшно для нихъ сдѣлалось имя атамана Ермака Тимоѣича.

Такъ-то некрасиво встрѣчается намъ въ первый разъ имя Ермака, знаменитаго покорителя Сибири. Кто же былъ этотъ Ермакъ? и откуда онъ взялся, и какъ это случилось, что имя прежняго разбойника — теперь съ благодарностью и уваженіемъ поминается всѣми на святой Руси?

Есть извѣстіе, что дѣдъ Ермака, по имени Аѳанасій Григорьевичъ Аленинъ, былъ посадскій человекъ города Суздаля; жилъ тамъ въ великой скудости, переѣхалъ потомъ во Владиміръ съ двумя сыновьями, Родіономъ и Тимоѣемъ, и промышлялъ извозомъ; нанимался иногда возить и разбойниковъ въ Муромскихъ лѣсахъ, да вмѣстѣ съ ними и попалъ въ тюрьму; изъ тюрьмы

потомъ бѣжалъ въ Юрьевецъ Повольскій, гдѣ и умеръ, а дѣти его переѣхали жить на рѣку Чусовую, въ нынѣшнюю Пермскую губернію, въ вотчины именитыхъ людей Строгановыхъ.

Строгановы были важные и умные люди. Они выпросили себѣ у государя пустопорожнія земли между рѣками Камой и Чусовой, около Уральскихъ горъ, для того, что тамъ удобно варить соль—и всякой руды много. Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобъ ужъ они сами тамъ всемъ распоряжались: и народъ селили-бы, и городки-бы строили, и ружья и пушки имѣли-бы, и ратныхъ людей; и сами-бы оборонялись отъ сосѣднихъ дикихъ народцевъ.

И Строгановы начали устраивать этотъ край—и вели дѣло умно, и за всякой своей нуждой сами переписывались съ царемъ. Вотъ у нихъ-то и поселились сказанные выходцы, Родіонъ съ Тимошеемъ, и родились у нихъ дѣти; между прочими у Тимоея былъ сынъ Василій.

Этотъ Василій былъ удалой малый; красавецъ собой, роста средняго, волосы имѣлъ темные, бороду—черную; былъ силенъ и рѣчистъ. Онъ ходилъ на стругахъ по Волгѣ и Камѣ, и когда былъ еще кашеваромъ въ своей артели, товарищи придали ему прозвище Ермакъ, что означаетъ таганъ артельный. Но не ужился Ермакъ у Строгановыхъ: тѣсно ему было жить въ работникахъ, захотѣлось поискать своей долюшки. Манила его жизнь удалая, Волга-матушка—широкое раздольице. Тамъ по-

гуливаютъ люди вольные, казаки государевы, ходятъ—высоко держать голову, славой своей и казной похваляются, съ басурманами сражаются за вѣру христіанскую. Пошея къ нимъ Ермакъ, да скоро и въ атамань попалъ. Что тутъ было имъ по Волгѣ подѣлано, сколько годовъ тутъ было погулено, много-ли на душу грѣха было принято,—доподлинно неизвѣстно. Видно только, что или не совсѣмъ воромъ и разбойникомъ считалъ себя Ермакъ, или, можетъ быть, хотѣлъ заслужить милость царскую,—только когда разъ взбунтовались Черемиса и Казанскіе татары, и царь послалъ на нихъ воеводъ своихъ—Ермакъ съ своею шайкою ходилъ воеводамъ помочь, царю послужить. Угомонили бунтовщиковъ—отплылъ онъ опять разгуливать по Волгѣ матушкѣ, по морю Хвалынскому. Громче прежняго купцы Хивинскіе, Бухарскіе, Персидскіе и наши стали жаловаться, что на Волгѣ отъ воровства и шалостей способа нѣтъ. Строже прежняго стали грозить изъ Москвы. Наконецъ бѣда стряслась важная. Ёхалъ въ Москву Персидскій посланникъ. Ермаковы люди во хмѣлю и задрали людей посланниковыхъ. Вышла драка, руки расходились, самъ посланникъ былъ убитъ. Тутъ грозный царь опалился, послалъ воеводъ наказать царскихъ ослушниковъ, очистить Волгу отъ разбоевъ. Пришлось волжскимъ удалцамъ противъ царя воевать. Воеводы разбили ихъ огромное скопище. Которыхъ разбойниковъ изловили, которыхъ загнали въ степь, въ море. Ермакъ же, чуть слышалъ о приходѣ воеводъ, скрылся

невѣдомо куда. Объявлено было, что гдѣ только окажутся главные атаманы, тѣхъ брать, вязать и вѣшать безо всякаго разговора. Въ ихъ числѣ изъ самыхъ главныхъ поименованы—и Ермакъ Тимоѳеичъ, и товарищъ его Иванъ Кольцо.

Плохо пришлось Ермаку Тимоѳеичу. Пробрался онъ въ мѣста прикамскія съ разбитой своей шайкою, съ худой своей славушкой. Напала на него лютая тоска. Вотъ она куда завела воля вольная, удалъ молодецкая: вышелъ на Волгу добрымъ молодцомъ, вернулся царскимъ послушникомъ! Никуда показаться нельзя: по Волгѣ ходить—все ворами слыть; въ Казань, въ Астрахань пойти—повѣшену быть! Ужъ нашель же ты, Ермакъ, свою долюшку, шатался-мотался по чисту полю да по синю морю, и выслужилъ награду царскую: всего два столбика съ перекладинкой—на ней только петелька шелковая. Все-то теперь Ермаку опротивѣло. Хотя бы все бросить, да въ монастырь пойти. Надо сказать, что Ермакъ не походилъ на другихъ атамановъ: церковь почиталъ и въ шайкѣ своей держалъ порядокъ, и злодѣйства не допускалъ, и за всякое дѣло нехристіанское виновныхъ въ мѣшокъ съ камнями зашивалъ да въ воду опускалъ. Повѣдалъ, видно, свою кручину Ермакъ Тимоѳеевичъ своимъ родичамъ: тѣ поговорили Строгановымъ, а Строгановы были умные старики; руки имъ были надобны. Согласились они Ермаку въ бѣдѣ помочь. И послали къ нему ласковую грамоту съ такими рѣчами: «Чѣмъ мотаться тебѣ по бѣлу свѣту, ты

бы, Ермакъ Тимоѳеевичъ, послужилъ честнымъ лю-
дямъ, а у насъ про тебя дѣло нашлось бы. Пожа-
ловалъ намъ государь земли за Угорскимъ камнемъ, по
рѣкамъ по Тагилю и по Тоболу, а бы *) мы тамъ острожки
поставили, чтобы на государевы земли Сибирскимъ на-
родцамъ, Остякамъ и Вогуламъ, а тѣмъ паче Сибир-
скому царю, татарину Кучуму, путь перехватили; ко-
торые народцы царю покорность изъявять, съ тѣхъ бы
мы дани принимали и къ царю бы отсылали; а какіе
купцы пойдутъ, тѣхъ бы мы оберегали. И ты бы, Ер-
макъ Тимоѳеевичъ, намъ это дѣло справлялъ; ты бы
набралъ вольныхъ людей, охотниковъ, а мы бы тебѣ все
нужное дали; послужилъ бы ты царю вѣрой-правдою
и заслужилъ бы прежніе грѣхи свои».

Какъ получилъ эту грамоту Ермакъ Тимоѳеевичъ,
созвалъ онъ казацкій кругъ и вышелъ къ нему со
свѣтлымъ лицомъ, и велѣлъ передъ всѣми читать гра-
моту. «Кто хочетъ, братцы, со мной иди; кто не хо-
четъ — тому воля вольная. А ужъ я вамъ не товарищъ.
Кто же со мной пойдетъ, тотъ на словѣ крѣпко стой,
чтобъ ужъ воровства и пакости за нами не водилось».
И всѣ его любимые товарищи, храбрые есаулы—Иванъ
Кольцо, да Иванъ Гроза, Яковъ Михайловъ, Никита
Панъ, Матвѣй Мещерякъ—всѣ возрадовались: «Намъ
безъ тебя, Ермакъ Тимоѳеевичъ, все равно пропадать.

*) Чтобы

Куда ты, туда и мы. За тебя головы свои положить согласны». И набралось съ ними еще пятьсотъ сорокъ человѣкъ. И пошли они въ Чусовые городки, и приняли ихъ именитые люди Строгановы съ великою честью. И стали снаряжать за Югорскій камень; дали отъ себя еще триста человѣкъ ратныхъ людей, и Литвы, и Нѣмцевъ, и Татаръ, и Русскихъ; снабдили ихъ одежей, и запасами, и воинскими доспѣхами, и ружьями и маленькими пушечками; свинцу и пороху дали вдоволь, да шесть поповъ, да вожаковъ и переводчиковъ, и проводили ихъ съ молебномъ на судахъ въ дальній путь, въ неизвѣстную землю Сибирскую.

Шель Ермакъ по рѣкѣ по Чусовой, потомъ по Серебряной, перетащилъ волокомъ въ Жаравлю рѣку; тамъ построилъ легкія лодочки коломенки, поплылъ Жаравлей рѣкой въ Тагиль рѣку; изъ Тагиля вошелъ въ Туру рѣку... Сторона была пустынная, тишина глубокая, ясное время стояло, сентябрь мѣсяць. Шли казаки скоро и весело. По рѣкамъ птицы, по берегамъ звѣря—великое множество. Какъ выстрѣлять изъ ружья—все всполошится, выстрѣль-то по пустыннымъ мѣстамъ далеко перекатывается, чуть ли не на всю Сибирь. Лодочки идутъ, казаки пѣсни поютъ: эхъ, сторона-то богатая!.. Только рѣдко-рѣдко гдѣ пашеньки попадутся; рѣдко-рѣдко гдѣ выглянуть люди дикіе и прочь побѣгутъ. Только вотъ глядятъ казаки—словно войско стоитъ. Войско зашевелилося: аль встрѣчать идетъ непрошенныхъ гостей? Вышли казаки на берегъ, да какъ гря-

нули изъ ружей—все войско попадало. Засмѣялись казаки, пошли ходить между лежащими, стали искать ихъ наибольшаго. Чуть начнутъ Сибирцы подымать головы, опять кто нибудь выстрѣлитъ—и тѣ опять носомъ уткнутся въ землю. Нашли наконецъ наибольшаго; оказалось, что войско велъ Сибирскаго царя Кучума мурза Таузакъ. Ермакъ обошелся съ нимъ ласково, угощалъ и выспрашивалъ про царя Кучума и про мурзъ его и улановъ, и гдѣ его столица, и сколько у него силы, и далеко ли и какъ идти туда,—и отпустилъ его домой. Мурза прибѣжалъ къ Кучуму и на всѣхъ нагналъ страхъ своими рассказами: «Такіе, молъ, идутъ люди, роду Русскаго, какихъ и не видано; сами сильные, а когда стрѣльнуть изъ луковъ своихъ, то изъ конца дымъ и огонь исходитъ и громко голкнетъ, аки громъ на небеси; стрѣль исходящихъ не видать, а уязвляють ранами и смертью побиваютъ, и защититься отъ нихъ никакими ратными сбруями не можно; ни панцыри, ни кольчуги наши не держатъ, все пробиваетъ на вылетъ». Это ихъ такъ ружейная пальба перепугала. Ружья-то они еще не видывали,—и у насъ оно тогда только что завелось, при томъ же царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Пушки-то были и до него.

Царь Кучумъ переполошился, а съ нимъ и мурзы, и муллы его, и князьки, и шаманы *) сибирскіе. Собрались на совѣтъ. Шаманы говорили, что съ этими

*) Колдуны, предсказатели.

людьми приходитъ гибель Кучумову царству; что въ воздухѣ, надъ самой Кучумовой столицей, всё видѣли городъ, а въ этомъ городѣ—каменные башни, на башняхъ висятъ колокола, а наверху—кресты; что, извѣстно, такіе города—Русскіе, и показываются они теперь на небѣ, и, того гляди, сойдутъ на Сибирскую землю, и вся Сибирская страна наполнится Русскими людьми и Русскими городами. Кучумъ, будучи мусульманиномъ, хотъ и презиралъ шамановъ, но побаивался ихъ; говорилъ, что они врутъ, а самъ спрашивалъ объ огненной пальбѣ. Нашлись, которые видали ружье въ Перми и у Строгановыхъ, и говорили, что отъ грома его вреда не дѣлается никакого, а прошибаетъ только пулька,—что, все равно, и стрѣла вѣдь ранить смертельно. Понялъ-ли, не понялъ-ли Кучумъ, только тотчасъ повѣстилъ, чтобы самоскорѣйше подымались и шли къ нему всё подвластные ему мурзы и уланы, и Татары, и Остяки, и другіе Сибирцы. Самъ онъ заперся въ главномъ своемъ юртѣ, въ городкѣ, называемомъ Сибирь или Искеръ; а сыну своему или племяннику, доподлинно неизвѣстно, по имени Мегметъ-Кулу, назначилъ идти съ большой ратью на Ермака, и чтобъ онъ старался уничтожить Русскихъ. «Если-жь, паче чаянія, не возьмешь силой, то тревожь и истребляй ихъ всеми мѣрами, а главное старайся заманить ихъ на Иртышъ: тамъ же мы устроимъ засаду и всѣхъ перебьемъ ихъ навѣрное». Этотъ Мегметъ-Кулъ считался самымъ славнымъ Сибирскихъ странъ богатыремъ: великанъ ростомъ,

силы непомѣрной, онъ въ своихъ золотыхъ одеждахъ, отороченныхъ соболями, въ чешуйчатыхъ латахъ на груди и въ золотомъ шлемѣ съ орлиными крыльями, далеко видѣнь былъ и между своею Татарскою конницей, а тѣмъ паче надъ малорослыми Сибирцами, съ головы до ногъ одѣтыми въ звѣриныя шкуры.

Мегметъ-Куль сталъ на Тоболѣ рѣкѣ, между Тавдою и Иртышемъ, и дожидаль нашихъ, стараясь главное объяснить своему войску про ружейную стрѣльбу, чтобы ея не боялись; молилъ стоять крѣпко, потому что по сибирскимъ правамъ, кто побѣдитъ, того и земля будетъ и люди. Провѣдавъ, что казаки недалеко отъ него высадились, послалъ онъ на нихъ впередъ свою конницу, а вслѣдъ за ней и пѣшее войско съ копьями и стрѣлами. Казаки встрѣтили ихъ выстрѣлами изъ пушечекъ и ружей. Тѣ было дрогнули, но скоро опомнились, особенно Татары; да и Сибирцы ужь не падали отъ грома, а только разбѣгутся, да опять скучатся и стрѣляютъ изъ луковъ. Казаки кинулись на нихъ въ рукопашь; сѣча была зла; но, видя паденіе многихъ своихъ, войска Мегметъ-Куловы не выдержали и побѣжали. У нашихъ тоже были и убитые, и раненые. Ермакъ поплылъ дальше внизъ по Тоболу, спѣша на Иртышъ, гдѣ Кучумовъ юртъ. Дорогой былъ еще бой: разбили казаки Кучумова мурзу Карачу и взяли его юртъ и богатую добычу—золота, припасовъ, меду,—и перетасили все на свои коломенки.

Разсказываютъ, что юртъ этотъ взяли они хитростью.

Понадѣлали чучель изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки, — и привязали въ лодкахъ, оставивъ при нихъ малое число людей, а сами тайно высадились на берегъ. Подошли лодки и стали противъ юрта. Высыпали Татары на берегъ и стали пускать стрѣлы. Стрѣляютъ и дивуются, какіе это люди Русскіе — крѣпкіе: стрѣлъ въ нихъ что въ снопики налѣплено, а они всё невредимы стоятъ. Настоящіе же казаки тѣмъ временемъ зашли Татарамъ въ тылъ, и вдругъ голкнули изъ ружей. Такъ юртъ и взяли.

Мегметъ-Куль между тѣмъ не терялъ казаковъ изъ виду, по высокому берегу въ нѣкоторомъ разстояніи провожая ихъ своею конницею; гдѣ рѣка сѣуживается между горъ, онъ засядетъ на горахъ за кустами, и сыплетъ внизъ на плывущихъ стрѣлы и камни. При впаденіи Тобола въ Иртышъ, Ермакъ счелъ наконецъ за нужное отдѣлаться отъ своихъ провожатыхъ, причалилъ къ берегу, храбро напалъ на нихъ и заставилъ бѣжать. Убитыхъ тутъ у насъ не было, но почти всё казаки были уже ранены. Многіе стали призадумываться. Нужно было хоть гдѣ-нибудь остановиться отдохнуть; исходилъ второй мѣсяцъ ихъ похода, наступало 22-ое октября. Войдя въ Иртышъ, Ермакъ повернулъ внизъ по рѣкѣ; казаки скоро увидали какое-то старое городище *), удобное для привала, и, не встрѣчая на всемъ Иртышѣ непріятели, расположились въ городищѣ. Но

*) Остатки бывшаго селенія.

это-то и была устроенная Кучумомъ засада. На это-то городище Кучумъ и рассчитывалъ. Онъ велѣлъ заблаговременно совсѣмъ его очистить и оставить пустымъ. Близъ же него стоитъ высокая гора Чувашева; на этой горѣ расположился самъ Кучумъ съ половиной своего войска; а другую половину, подъ начальствомъ Мегметъ-Кула, укрылъ онъ съ другой стороны городища, сдѣлавъ для того нарочно засѣку, и обведя ее валомъ. Завидя казаковъ, Татары притаились въ своихъ мѣстахъ. Казаки же ужь вечеромъ подплыли къ городищу, стали пицу варить и готовить себѣ ночлегъ; какъ вдругъ замѣчаютъ, что въ засѣкѣ людей—видимо-невидимо. Свѣдавъ, что и на Чувашевой горѣ стоитъ самъ Кучумъ, и что они окружены всей его силой,—они, усталые и раненые, вдругъ впали въ страхъ и отчаяніе, собирались въ круги и требовали, чтобы ночью же садиться на суда и ѣхать назадъ. Есаулы стали было уговаривать, а имъ отвѣчали: «Да вы посмотрите: ихъ, вѣдь, нехристей—тѣмы, а мы всѣ на-перечетъ. Сколькохъ товарищей уже похоронили! Понѣсла насъ нелегкая, по невѣдомымъ рѣкамъ—ужли-жь затѣмъ, чтобъ берега утыкать крестами надъ казацкими могилами? Погуляли, страху задали, добычи набрали,—пора и честь знать, домой поворотить; чего еще дожидаться?» Слыша такія рѣчи, приуныли и есаулы, и старшіе по Ермакъ атаманы, его помощники—Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза. Ермакъ одинъ сидѣлъ поодаль, поглядывалъ на засѣку Мегметъ-Кулову и на круги своихъ

казаковъ—и очень хорошо зналъ, о чемъ тамъ дѣло идетъ. Приходятъ и говорятъ ему Иванъ Кольцо и Иванъ Гроза, что дѣло плохо, казаки бунтуются. «Пусть наговорятся, натѣшатся», отвѣчалъ Ермакъ. И давши имъ наговориться, позвалъ онъ всѣхъ въ большой кругъ; вышелъ, поклонился и началъ рѣчь: «Что же братцы, сказалъ онъ:—аль ужъ и впрямь приходится намъ бѣжать?»—Да ужъ впередъ-то, кажись, некуда; всѣ пути перехвачены,—загудорили въ толпѣ. «Одно худо, продолжалъ Ермакъ:—время позднее, рѣки скоро станутъ, до дому не догребемъ, придется зимовать въ глуши—Богъ вѣсть гдѣ и Богъ вѣсть какъ. Пожалуй, въ такомъ мѣстѣ замерзнемъ, гдѣ ни Татарва проклятая, ни Сибирскіе народцы, ни Чудь заблудящая не подумали—теплыхъ хоромъ намъ не поставили и хлѣба не напахали... Одно только мѣсто для зимовки доброе я знаю, это Кучумовъ юрть Сибирь-городокъ.... Стыдно вамъ, братцы, продолжалъ онъ съ негодованіемъ,—а еще казаки, православные христіане, какое помышленіе въ сердца свои попустили! усумнились въ помощи Господней! Что на Перми, да на Чусовой отъ этихъ поганныхъ нехристей церквей Божіихъ поругано да пожжено,—народу христіанскаго, Русскаго, стариковъ и младенцовъ, помучено, да побито. Того ради Всемогуцій Богъ мститъ имъ, окаяннымъ, за кровь неповинную. Нешто мы воровать сюда пришли? Слава Тебѣ, Господи, отъ воровства великій обѣтъ дали отстать, царю и честнымъ людямъ, и всему христіан-

ству послужить пошли, и крестъ цѣловали! Вспомните—какими слезами тогда плакали? Какіе обѣты выговаривали? Пусть всѣмъ намъ здѣсь помереть; а назадъ обратиться, страху ради и живота своего жалѣючи, намъ не можно: и срамъ и слова своего преступленіе! Ужь мы души свои Господу Богу заложили, и Его волею идемъ; а что насъ мало, непріятелей же множество,—то вѣдь не отъ многихъ воевъ побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ и безпомощнымъ Богъ помощь; и насъ не покинетъ Онъ, видя сердца наши—чисты и дерзновенны. Уповайте на Него твердо, и памяуйте, что если дастъ Господь, постоимъ крѣпко,—то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ ней пойдетъ во вѣки».

Не дали Ермаку дальше говорить; выходили впередъ атаманы и есаулы храбрые: Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза, Мещерякъ Матвѣй, Никита Панъ, и другіе; всѣ говорили: «Всѣ мы готовы умереть за святыя Божія церкви, за вѣру православную пострадать, царю послужить. Постоимъ всѣ до единого противъ поганныхъ твердо до крови и до самой смерти. Всѣ на томъ и стоимъ за одну душу».

«Такъ, такъ, заговорилъ казацкій кругъ,—ужь во всемъ на тебя, Ермакъ Тимоѣевичъ, полагаемся; ты, извѣстно, человекъ не намъ чета. Безъ тебя давно-бъ ужь намъ всѣмъ пропасть».

Похвалилъ Ермакъ такія рѣчи, и велѣлъ потомъ от-

служить молебень. И вынесли попы крестъ и Евангеліе, аналой поставили, засвѣтили свѣчечки... и ужь ночь сіяла всѣми своими звѣздами, когда казаки сторожей разставили, а сами полегли соснуть, крѣпкіе духомъ на завтрашніе подвиги.

И на утро, какъ только отъ солнца освѣтило блистаніемъ свѣтлыя облака, вывелъ Ермакъ свою дружину изъ городища и указалъ на засѣку. «Съ нами Богъ!» крикнули казаки «яко едиными усты», дали залпъ и побѣжали на приступъ; Татары выпустили тучу стрѣль. Многіе изъ нашихъ попадали, другіе замаялись; видя то, Татары въ трехъ мѣстахъ разломали сами засѣку и кинулись всей аравою, думая взять множествомъ—и въ тѣснотѣ не дать стрѣлять изъ ружей. Тутъ-то проявилась сила богатырская, бой пошелъ на жизнь и смерть; топоры и сабли въ ходъ пошли; дрались въ рукопашную,—на одного казака приходилось по десяти, по двадцати, по тридцати человекъ. Ермака Богъ хранилъ, а съ нимъ у всѣхъ удесятерилась сила: вездѣ поспѣвалъ онъ во время; отъ одного его вида толпа разбѣгалась... Но столбъ Кучумова царства, душа его войска—надломилась: палъ храбрый Мегметъ-Куль, раненый; едва успѣли отбить его, еле жива, и отвезть за Иртышъ. Разстроились его Татары и побѣжали; Остяцкіе князьки, стоявшіе у Кучума, вмѣсто того, чтобы поддержать Татаръ, повернули коней и отвели войска во свояси. Остался Кучумъ одинъ на горѣ съ немногими приближенными, стоялъ какъ ошеломленный,

горько заплакавъ и побѣжалъ. Добѣжалъ онъ до столицы своей, гдѣ царствовалъ сорокъ лѣтъ, захватилъ кое-что изъ сокровищъ и устремился на старости лѣтъ въ скитальческій путь, съ сокрушеніемъ промолвивши: «Нѣтъ такой радости, которая бы потомъ не сложилась на печаль». Скитаясь по степямъ, въ горѣ, онъ потомъ ослѣпъ.

Побѣда Ермака была полная, хотя досталась не дешево. Пятая часть всей дружины его, сто семь воиновъ полегло въ этомъ бою. Но Ермакъ не хотѣлъ терять времени и дать врагамъ опомниться. На другой же день пошелъ къ Кучумовой столицѣ: она была отъ Чувашевой горы всего въ шестнадцать верстахъ. Шли безъ боязни, но, приблизясь къ городу и не слыша оттуда ни голоса, не видя ни лица человѣческаго, усомнились—не кроется ли тутъ какое лукавство. Осторожно начали казаки входить въ городъ и увидѣли, что юрты совсѣмъ пусты. Видно было—люди пометались изъ него въ переполохѣ: все ихъ богатство тутъ валялось, золото, серебро и каменья дорогіе, и ткани золотыя, и куньи и собольи мѣха, и всякія явства недоѣденныя. Увѣрясь, что лукавства никакого нѣтъ, Ермакъ велѣлъ служить благодарственный молебенъ, съ крестами и святой водою обошелъ вокругъ города, посвящая его истинному Богу, и поздравилъ товарищей съ доброй зимовкой.

Отдохнули наши молодцы, и поустроились въ городѣ. Три дня попрошли тихо и мирно. На четвертый день

показались Остяцкіе князьки, подъѣхали, выложили Ермаку богатые дары и запасовъ, и били челомъ принять отъ нихъ присягу на вѣрность. За ними стали приходять жители съ семьями своими, присягали Ермаку — и онъ приглашалъ всѣхъ ихъ жить попрежнему въ городъ. Городъ опять наполнился людьми. Ермакъ скоро всѣмъ полюбился, всѣмъ подъ нимъ житье было безобидное. Въ дружинѣ его съизначала заведенъ былъ порядокъ и послушаніе. Всякое дѣло стыдное наказывалось строго. Атаманы Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза были у него помощниками. Все войско раздѣлялось на сотни; у каждой сотни было свое знамя, украшенное святыми образами; сотнями начальствовали есаулы. Подъ ними были пятидесятники и десятники. Туземцы стали даже радоваться, что избавились отъ Кучума. Кучумъ былъ въ той сторонѣ пришлый царь, родомъ Татаринъ; прежнихъ владѣтелей онъ побѣдилъ и самъ сѣлъ на ихъ мѣсто. Изъ дальнихъ улусовъ всю зиму на оленяхъ и собакахъ пріѣзжали Остяцкіе и Вогульскіе, и всякіе другіе Сибирскіе владѣтели къ Ермаку, и тоже вступали въ подданство. Самъ Мегметъ-Куль, выздоровѣвшій отъ ранъ, попался въ плѣнъ; Ермакъ держалъ его подъ крѣпкою стражею, но честилъ и обходился съ нимъ дружески. Весною, какъ только прошли рѣки, Ермакъ пошелъ въ походъ внизъ по Иртышу до самой Оби — и гдѣ мирно, гдѣ боемъ привелъ всю страну подъ власть свою. Когда онъ возвращался назадъ, шествіе его было торжественное. На лодкахъ

его играла музыка. У него были барабаны, литавры и трубы. Казаки были одѣты въ праздничные кафтаны; все общито было золотомъ. Жители выходили къ нему на встрѣчу, падали ницъ, выносили дары, куньи и соболю мѣха, просили его суда и славили его судъ... Обширныя земли были подвластны Ермаку; многіе народы несли ему дань; вѣнецъ Кучумовъ былъ въ его рукахъ... Ермакъ могъ бы возложить его себѣ на голову... Всякой вольницы изъ Россіи, съ Волги и съ Дону, къ нему потянуло бы множество, и былъ бы онъ силенъ и славенъ, и повелѣвалъ бы народами... Такъ бы и сдѣлалъ иной—только не Русскій, человекъ. Куда бы ни зашелъ Русскій, какою бы славою ни возвеличился, или какую бы дурь на себя ни напустилъ—онъ только о святой Руси и думаетъ, и сердце его отъ нея не отрывается.

Принималъ Ермакъ эти почести—а думалъ о другомъ. Молча и подолгу поглядывалъ онъ въ ту сторонушку, гдѣ Русь православная: все то тамъ живетъ честной народъ... для него же тамъ, на великой Руси, поставлены, стоятъ-дожидаются—два столбика съ перекладинкой, на ней петелька шелковая... Хоть полсвѣтомъ завладѣй, все онъ тамъ—воровской казакъ, государевъ измѣнникъ. Такъ въ царскомъ указѣ объ немъ сказано, пятно на имечко его крестное положено: это-то пятно и прожигало его душу, а смыть его могло тоже только слово царское.

Воротился Ермакъ изъ похода, позвалъ попа, залпер-

ся въ своей земляночкѣ, карауль поставилъ, чтобъ никто къ нему не входилъ, и велѣлъ попу писать. Самъ ходить по земляночкѣ, а попь со словъ его пишетъ къ царю грамоту,—простую грамоту, гдѣ о себѣ Ермакъ ни слова не говорить, и ничего не указываетъ, что бы дѣлать государю. «Всемиловитаго, въ Троицѣ слави-маго Бога изволеніемъ, Пречистыя Его Матери и Святыхъ Угодниковъ и Чудотворцевъ Россійскихъ заступничествомъ, и тебя Государя, Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича ко всещедрому Богу праведною молитвою и твоимъ государевымъ счастіемъ, царство Сибирское взяли и царя Кучума съ воями его побѣдили; и подъ твою высокую руку покорили многихъ живущихъ въ Сибири инородцевъ, Татаръ, Остяковъ и Вогуличей; и къ присягѣ ихъ привели, чтобы быть имъ подъ твоею государскою высокою рукою до вѣку, покаместъ Богъ изволить вселенной стояти; и чтобы имъ ясакъ давати тебѣ, великому Государю, безпереводно. А на Русскихъ людей имъ зла никакого не мыслить; а которые похотятъ въ твою службу государскую, и тѣмъ служить прямо; недругамъ твоимъ государевымъ ни въ чемъ не спускать, и самимъ не измѣнять; къ царю Кучуму и въ иныя орды и улусы не отъѣзжать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стоять».

Велѣлъ онъ написать и другую грамоту—свои слова къ именитымъ людямъ Строгановымъ, увѣдомлялъ ихъ о дѣлахъ своихъ, и просилъ переправить съ его грамотой посланца къ самому царю въ Москву. Написавши

грамоты, позвалъ онъ атамановъ и есауловъ своихъ и спросилъ: «Кому ѣхать въ Москву передъ грознаго царя, за воровскія дѣла отвѣтъ держать и бить челомъ царствомъ Сибирскимъ?»

«Кому же ѣхать, какъ не мнѣ», вызвался Иванъ Кольцо, Ермаковъ ближайшій другъ: «имя мое великому государю свѣдомо; въ царскомъ указѣ написано; велѣлъ меня сыскать великій государь: самъ приду, свою голову принесу, а отъ тебя дорогой подарочекъ».

Поѣхалъ Иванъ Кольцо съ пятьюдесятью казаками. Остались Ермакъ съ товарищами дожидать, что велитъ имъ сказать великій государь.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву въ самое печальное время. Только что заключенъ былъ съ Польшею миръ. По этому миру царь потерялъ всё свои завоеванія въ Ливонской землѣ, берега Балтійскаго моря, столь для Россіи необходимыя, и Полоцкъ, и другіе города. Враченъ былъ грозный царь. Это былъ уже не тотъ красивый юноша, что ровно тридцать лѣтъ тому назадъ бралъ Казань. Онъ уже постарѣлъ и хворалъ, подозрѣвалъ, что окруженъ измѣною бояръ. Послѣ московскаго пожара, послѣ его покаянія и рѣчи на Лобномъ мѣстѣ*), когда всё подданные его проливали слезы умиленія, и простили всё другъ другу вины свои,—онъ думалъ, что всё, вмѣстѣ съ нимъ, перемѣнились къ добру; и точно, приблизи-

*) Смотри вторую внижку.

лись къ нему тогда совѣтники умные и люди ратнаго дѣла храбрые, которые славно казанскій походъ справили, и всѣ казались государю преданы и готовы служить ему, не жалѣючи живота своего. Но по возвращеніи изъ подъ Казани съ царемъ случилось событіе, дозволившее ему, такъ-сказать, заглянуть въ душу всѣхъ его окружавшихъ: онъ заболѣлъ огненною болѣзнію, то есть горячкою. Всѣ думали, что ужь онъ кончается; онъ самъ приготовился къ смерти и приказывалъ царство младенцу сыну своему. Но почти всѣ его вельможи и совѣтники не захотѣли присягать младенцу, боясь неурядицы при малолѣтнемъ царѣ, а выбрали на престолъ царскаго двоюроднаго брата Владиміра Андреевича, уже показавшаго умъ и храбрость при взятіи Казани. Три дня вокругъ постели умирающаго царя спорили, кричали и ругались. На царя уже никто не обращалъ вниманія, словно его тутъ не было. Жадные власти бояре словно сняли съ себя личины свои, выказали всѣ свои затаенныя желанія. Царь все видѣлъ, — и вдругъ ему стало легче: онъ выздоровѣлъ, словно изъ мертвыхъ возсталъ. Ничего онъ не сказалъ, когда поправился; но подозрѣніе залегло въ его душу противу всѣхъ его окружавшихъ: онъ помнилъ, что каждый говорилъ и дѣлалъ въ то время, когда почиталъ царя почти умершимъ. Еще восемь лѣтъ таился онъ, пока жила первая супруга его, кроткая царица Анастасія, изъ роду Романовыхъ; ее онъ называлъ своею юницею, любилъ до безумія, чувствуя, что только

подлѣ нея, какъ подѣ крыломъ тихаго ангела, отды- хала уязвленная душа его и воспламенялась ко всему доброму и великому. Скончалась «юница» его—и царь вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ посреди людей, которые когда-то, при немъ, во время его болѣзни, поносили царицу и отвергали ее отъ соправительства малолѣтнему сыну. Все это вспомнилось ему еще живѣе при видѣ ея бездыханнаго трупа,—и, указывая на покойную, онъ, въ изступленіи горести, говорилъ боярамъ: «Радуйтесь, радуйтесь, нѣтъ ужъ той, которую вы ненавидѣли! А за что вамъ негодна была? За то ли, что Богъ, при ней, видя ея ангельскую кротость и чистоту голубиную, намъ славу и побѣду подавалъ, и со смертнаго одра насъ воздвигъ, сиротства ея жалѣючи?»... У самыхъ лучшихъ людей есть всегда завистники; нашлось много и тутъ такихъ, которые думали воспользоваться горестью царя, чтобъ избавиться отъ супротивныхъ имъ,—и стали царю нашептывать, что Анастасія умерла отъ отравы... Мать царя тоже нѣкогда скончалась отъ яду.... Царь повѣрилъ и рѣшилъ истребить враговъ своего рода: начались въ Москвѣ опалы и казни.... И жизнь самого царя пошла самая ужасная. Новые приближенные старались ему доказать, что только они ему вѣрны, и постоянно пугали его измѣной и лихими умыслами людей, имъ негодныхъ, дабы погубить ихъ; сами же льстили царю и тѣшили его, пробудили въ немъ привычки дѣтства его, — и онъ предался всѣмъ злокозненнымъ

обычаямъ, къ которымъ навѣкъ отъ юности своя... Правда, продолжалъ и царь имя свое передъ иностранными государями честно и грозно держать, о державѣ Россійской и о всемъ христіанствѣ радѣть; продолжалъ онъ давать посламъ своимъ мудрые наказы, и дивилъ умомъ и знаніями даже самыхъ хитрыхъ папскихъ посланныхъ, препираясь съ ними о вѣрѣ; не нарушилъ ничего изъ своего мудраго земскаго устройства; попрежнему хотѣлъ правды, казнилъ лихоимцевъ; самъ, какъ Соломонъ, творилъ судъ народу, и народъ славилъ его судъ;—но тутъ же, при неудачѣ, вдругъ падалъ духомъ, пугался и готовъ былъ унижаться; вдругъ опалялся и губилъ по одному непонравившемуся ему взгляду, губилъ людей, цѣлые роды, города, гдѣ полагалъ измѣну. Чтя въ счастіѣ—милость къ себѣ Господню, а въ бѣдѣ—казнь за свои прегрѣшенія, — онъ постоянно самъ надъ собой произносилъ строгій судъ: въ сей жизни самъ непрестанно судилъ себя, помня образъ христіанскаго царя, какъ онъ долженъ быть, и какимъ онъ самъ цѣлые тринадцать лѣтъ быть старался,—помня страшный отвѣтъ, который долженъ онъ дать Богу и за судьбу царства своего и всего христіанства, и за кровь, имъ проліянную, — отвѣтъ какъ царя и какъ человѣка. Тогда, исчисляя всѣ свои прегрѣшенія, называя себя окаяннымъ, кровопійцею, чревоугодникомъ и «псомъ смердящимъ», онъ жаждалъ совсѣмъ оставить міръ, принять постриженіе и схиму; уѣзжалъ въ самые от-

даленные монастыри; жилъ въ тамъ въ покаяніи, постѣ и молитвѣ; самъ писалъ имена имъ казненныхъ, и съ богатыми вкладами оставлялъ въ монастыряхъ для вѣчнаго поминовенія. Отъ душевныхъ мукъ своихъ онъ получилъ падучую болѣзнь... Несчастный конецъ Ливонской войны, разрушившій много великіе для Россіи замыслы, повергъ его въ скорбь, казалось, безысходную. Вся Москва трепетала, словно передъ бурей...

И вдругъ докладываютъ царю, что пріѣхалъ гонецъ отъ Строгановыхъ и съ нимъ какіе-то казаки изъ Сибири.

Обыкновенно государь принималъ гонцовъ самъ, сидя на креслахъ, а кругомъ его по лавкамъ — бояре. Вводятъ Ивана Кольцо съ товарищами. Они пали передъ Государемъ на землю какъ преступники; Иванъ Кольцо положилъ себѣ на голову грамоту. Царь велѣлъ дьяку взять, распечатать и читать грамоту. Дьякъ прочелъ. Государь велѣлъ Ивану Кольцо встать и все дѣло рассказать — и что они за люди. И повѣдалъ Кольцо, безъ утайки, всю правду истинную, что они тѣ самые воровскіе казаки, о которыхъ писано въ царскихъ указахъ, и какъ они пришли къ Строгановымъ, и какъ въ Сибирь пошли, и прочее. И объ Ермакѣ все доподлинно рассказалъ. Царь выпрашивалъ все до мелочи. Иванъ Васильевичъ не пропускалъ случая кольнуть бояръ своихъ измѣною нѣкоторыхъ изъ нихъ, и тутъ вышелъ ему поводъ сказать имъ: «Вотъ вамъ примѣръ: и незнатнаго рода люди, простые казаки; я ихъ казнить

велѣлъ—они же не побѣжали служить моимъ недругамъ, а пошли на меня же поработать, царство мнѣ покорили, чтобы я только снялъ съ нихъ вины ихъ старыя.» И, обратясь къ казакамъ, объявилъ, что всѣ вины ихъ онъ съ нихъ сымаетъ, и за службу жалуетъ великимъ своимъ государевымъ жалованьемъ. «А къ храброму воеводѣ нашему, заключилъ онъ,—князю Сибирскому Ермаку Тимофеевичу, помощь пошлю и велю отписать къ нему мою царскую грамоту.» И допустилъ онъ казаковъ къ рукѣ, и одарилъ ихъ, и велѣлъ ихъ продовольствовать съ царскаго стола. Потомъ всталъ съ кресель—поднялись и бояре—и приказалъ государь тотчасъ же служить въ Успенскомъ соборѣ молебень, и по всей Москвѣ, и по всему царству звонить въ колокола и объявить народу, что Богъ въ милостяхъ своихъ къ нему не оскудѣваетъ, послалъ державѣ Россійской великое приращеніе: третье мусульманское царство—Сибирь покорила сѣкипетру христіанскаго царя. И великое было на Москвѣ ликованіе.

На помощь Ермаку отряженъ былъ князь Болховской и съ нимъ пятьсотъ стрѣльцовъ. Казакамъ царь послалъ денегъ, суконъ, камки *); Ермаку—шубу съ своего плеча, двѣ брони, серебряный кубокъ, и въ милостивой грамотѣ своей, назвавъ его княземъ Сибирскимъ, поручилъ ему главное распоряженіе и начальство надо всею покоренною страню. Плѣннаго Мегметъ-Кула велѣлъ прислать въ Москву.

*) Дорогая матерія.

Радость казаковъ была неописанная, когда воротился Иванъ Кольцо съ царскими милостями. Но Ермаку не долго пришлось ими пользоваться. Онъ попалъ таки въ засаду къ Кучуму. Кучумъ распустилъ слухъ, что къ казакамъ идутъ Бухарскіе купцы. Ермакъ вышелъ съ пятьюдесятью казаками имъ для прикрытія. Купцовъ на сказанномъ мѣстѣ не нашли и расположились на островку, на Иртышѣ, ночевать. Ночь была бурная, вѣтеръ вылъ, рѣка шумѣла. Казаки спали богатырскимъ сномъ. Кучумъ переправился черезъ рукавъ рѣки, напалъ—и сонныхъ перерѣзалъ казаковъ. Ермакъ вскочилъ было на крики, бросился къ судамъ своимъ, отмахиваясь саблей, перепрыгивалъ съ лодки на лодку, остушился и упалъ въ бурную и глубокую рѣку; тяжелая царская броня была на немъ — и была причиной его гибели.

Какъ умеръ Ермакъ—тутъ-то и оказалось, что это былъ за человѣкъ. Стрѣльцы и казаки остались безъ него какъ безъ головы. Душа всего дѣла — исчезла. Иванъ Кольцо незадолго передъ тѣмъ былъ убитъ измѣною. Никита Панъ, Иванъ Гроза—тоже погибли. Оставшись какъ овцы безъ пастыря, казаки и стрѣльцы устрашились. Думали ужъ только о томъ, какъ бы уйти въ Россію. Оставшійся въ живыхъ одинъ изъ Ермаковыхъ атамановъ, Матвѣй Мещерякъ, повелъ ихъ къ Строгановымъ...

Но ужъ путь въ Сибирь былъ указанъ: царскія войска уже двигались туда. Мещерякъ встрѣтилъ ихъ на

дорогѣ—и слѣпой Кучумъ не долго процарствовалъ въ занятой имъ вновь столицѣ своей, на казацкихъ могилахъ. Какъ сказалъ когда-то Ермакъ взбунтовавшимся казакамъ: «постоимъ крѣпко, и память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ насъ пойдетъ во вѣки»—такъ и сбылось. Имя Ермака стоитъ надо всею Сибирскою страной, живетъ тамъ въ названіяхъ урочищъ, живетъ по всей Руси въ пѣсняхъ народныхъ. Оно съизмала любезно намъ всѣмъ и каждому, ибо знаменуетъ великаго но при томъ чисто Русскаго человѣка, который,—соединяя въ себѣ умъ, богатырскій духъ, могучую волю, съ дивною благостью душевной,—совершилъ, въ простотѣ сердца, великія дѣла, единственно для очистки совѣсти своей передъ царемъ и всѣмъ православнымъ людомъ, въ прославленіе имени русскаго и на возвеличеніе державы Россійской.

Смерть Ермака приключилась въ одинъ годъ съ кончиною царя Ивана Васильевича Грознаго—въ 1584 году; только царь скончался 18 марта, а Ермакъ погибъ 5 августа. Въ Тобольскомъ синодикѣ *) до сихъ поръ поминаются имена всѣхъ казаковъ, первыхъ покорителей Сибири.

*) Книга, въ которую вписаны имена умершихъ, для поминовенія ихъ въ церкви.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ:

- 1) Взятіе турками Константинополя.
- 2) Москва—третій Римъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ:

- 1) Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.
- 2) Покореніе Казани и Астрахани.

ителъ Сибирь.

зданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній.

1) О Богослуженіи Православной церкви. Свящ. М. Соколова. Ц. 8 к.	13) Изъ временъ покоренія Сибири. Историческая повѣсть. В. Лапина. Ц. 10 к.
2) Уничженіе на землѣ Господа нашего Иисуса Христа. Съ раскр. изобр. Ц. 8 коп.	14) О Петрѣ Великомъ. С. Рождественскаго. Съ 5 раскр. картин. Ц. 12 к.
3) Жизнь Божіей матери. Свящ. М. Соколова. Съ раскр. изобр. Ц. 15 коп.	15) Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой. Съ 4 раскр. карт. С. М. Макаровой. Ц. 12 коп.
4) Первые вѣка христіанства и распространеніе его на Руси. Съ 3 раскр. изобр. Свящ. Оpatовича. Ц. 10 к.	16) Полтава. Повѣсть въ стихахъ А. С. Пушкина. С. Макаровой. Съ 8 раскр. картин. Ц. 15 коп.
5) Великій постъ. Чтеніе священника М. Соколова. Ц. 10 к.	17) Тарасъ Бульба. Историческая повѣсть Н. В. Гоголя. Ц. 5 к.
6) Богомольцы у святыхъ Кіева. I. Лавра. И. Хрущова. Съ 3 изобр. Ц. 15 к.	18) 19 февраля 1855 — 1880 г. Дობрописцева. Ц. 5 к.
7) Богомольцы у святыхъ Кіева. II. Старый Кіевъ. И. Хрущова. Съ 2 изобр. Ц. 10 к.	19) М. В. Ломоносовъ, А. Филонова. Съ картинкою. Ц. 5 к.
8) Русская правда или судъ въ стародавнія времена. Историческая повѣсть. В. Лапина. Ц. 7 к.	20) Какъ ѣда питаетъ наше тѣло. Съ 2 раскр. карт. И. Алфеева. Ц. 15 к.
9) Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома. В. Лапина. Ц. 10 к.	21) Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ. Е. Рейнбота. Съ 2 раскр. картинками. Ц. 8 к.
10) Невская битва и Ледовое побоище. В. Лапина. Съ раскр. картин. Ц. 5 к.	22) Петръ Великій по сочиненіямъ А. С. Пушкина. А. Филонова. Ц. 5 к.
11) Куликовская битва. С. Рождественскаго. Ц. 8 к.	23) Дѣдушна Крыловъ и его басни. А. Филонова. Съ раскр. карт. Ц. 10 к.
12) Покореніе царства Казанскаго. В. Лапина. Съ раскр. карт. Ц. 5 к.	24) Кольцовъ и его пѣсни. М. Парунова. Съ 2 раскр. карт. Ц. 10 к.
	25) Разназы о севастопольцахъ. А. Супонева. Съ 2 раскр. карт. Ц. 15 к.

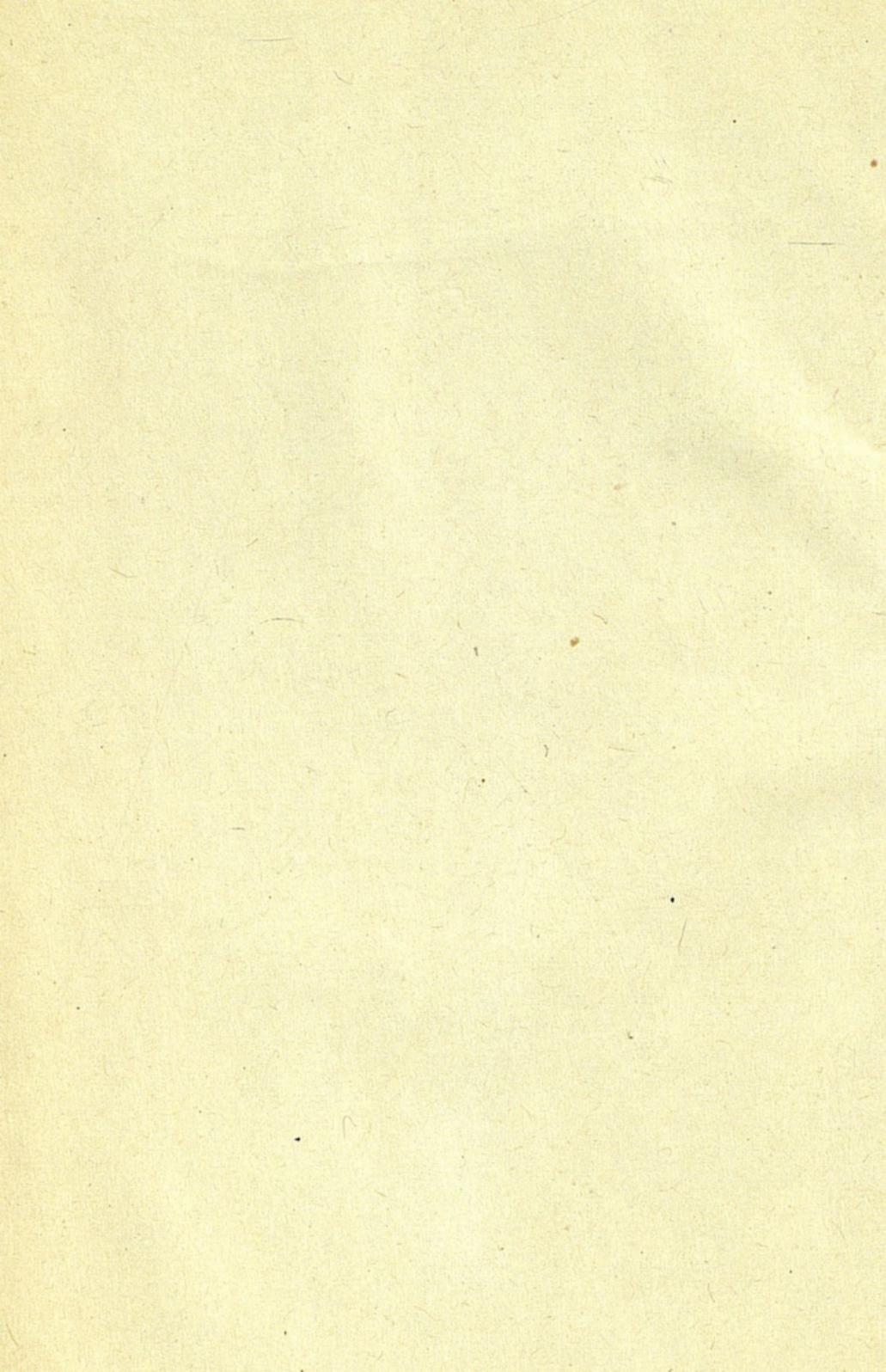
- 26) Нулибинъ, механикъ-самоучна. Е. Ф. Николаевой. Съ раскр. карт. Ц. 8 к.
- 27) Двѣнадцать мудрыхъ басенъ. Съ портр. Крылова. Ц. 5 к.
- 28) Суворовъ. С. Рождественскаго. Съ портр. и одною раскр. карт. Ц. 15 к.
- 29) Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе. И. Хрущова. Съ 3 раскр. карт. Ц. 15 к.
- 30) Архангельскіе нитолы. Повѣсть Сѣтковой (Катенкамъ). Съ 2 раскр. карт. Ц. 20 к.
- 31) Александръ I Благословенный. Съ 2 карт. Ц. 8 к.
- 32) Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Съ 1 карт. Ц. 8 к.
- 33) Роновой кладъ. Сѣтковой (Катенкамъ). Съ картинкою. Ц. 15 к.
- 34) Жизнь святаго Николая Чудотворца. Свящ. М. Соколова. Съ изображеніемъ святителя. Ц. 8 к.
- 35) Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ. Доктора Перфильева. Ц. 35 к.
- 36) Свято-Троицкая Сергіева Лавра. И. И. Петрова. Съ тремя картинками. Ц. 15 к.
- 37) Священное коронованіе и помазаніе царей на царство. И. И. Петрова. Съ фототипными портретами императора Александра III и императрицы Маріи Феодоровны. Ц. 10 к.
- 38) Сборникъ стиховъ. Вып. I. Ц. 8 к.
- 39) Сборникъ стиховъ. Выпускъ II-й. Ц. 8 коп.
- 40) О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о мамаевомъ побоищѣ. Ап. Н. Майкова. Ц. 6 коп.
- 41) Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ. Книжка первая. Ап. Н. Майкова. Ц. 7 коп.
- 42) Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ. Книжка вторая. Ап. Н. Майкова. Ц. 5 к.

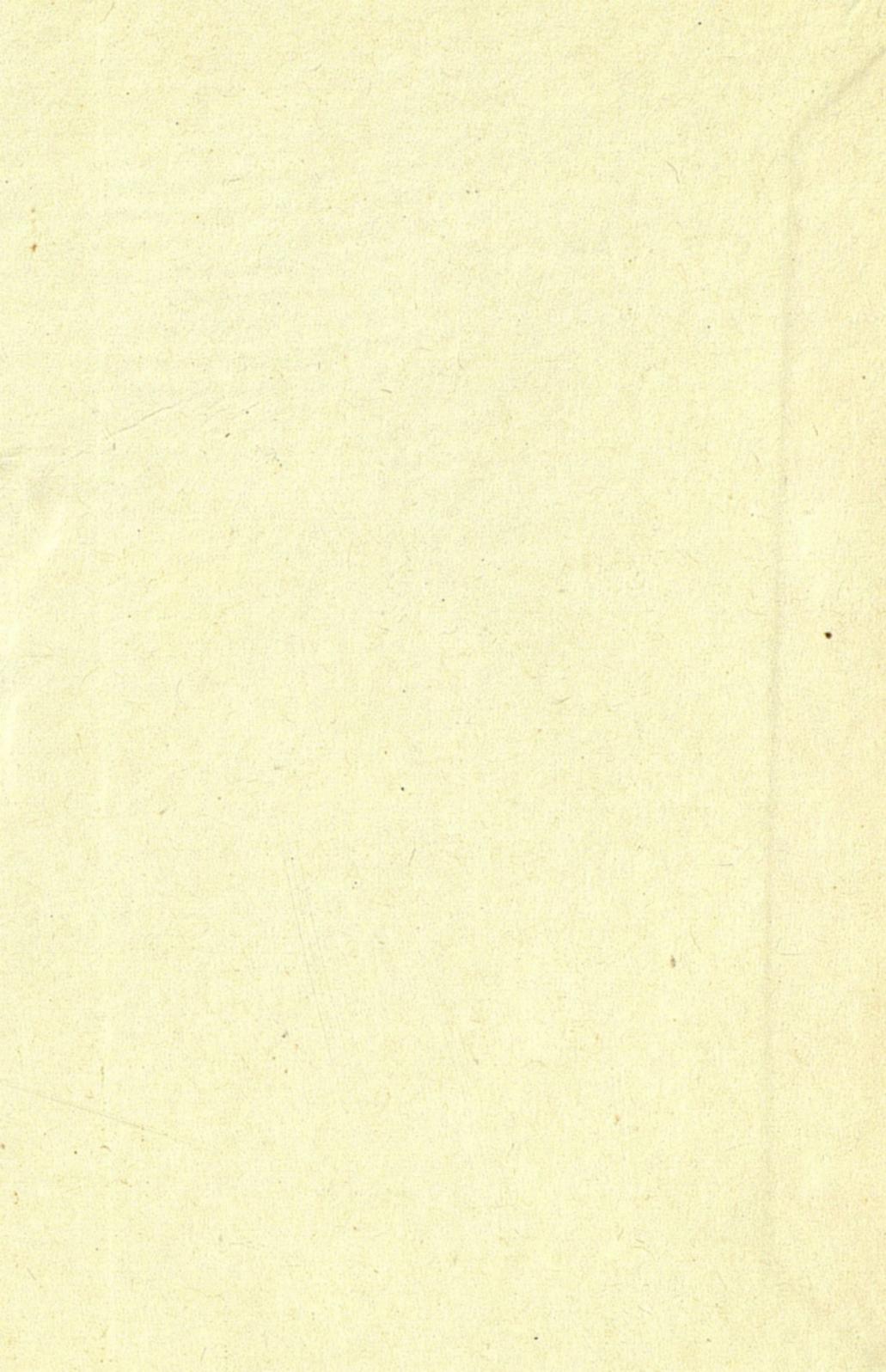
Примѣчаніе. Пересылку книгъ въ количествѣ 300 и болѣе экземпляровъ, по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, Коммисія принимаетъ на свой счетъ, при высылкѣ же почтою прилагается стоимость пересылки, считая каждыя 10 книгъ за фунтъ.

Гг. иногородные съ требованіями обращаются по почтѣ: въ С.-Петербургъ, къ Предсѣдателю Постоянной Коммисіи, въ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Гг. книгопродавцы пользуются уступкою, при покупкѣ книгъ на деньги 30%.

Склады изданій Коммисіи находятся въ С.-Петербурѣ: при канцеляріи Коммисіи, Лиговка, противъ Греческой церкви, домъ Петрова, и въ книжныхъ магазинахъ В. А. Цвѣлева (Фонтанка, № 41) и Фену и Комп.

2010516048